

Не лучи люблю я, а излуцины...

Жизнь Поэта... О каждом его дне можно писать и длинные-предлинные трактаты, и свести все радости и горести, тяжкие раздумия и художественные открытия стихотворца буквально к нескольким словам: жил как творил и творил как жил...

Ну и, конечно же, его стихи, в которых его «жизнь и судьба» неразрывны, как неотделимы друг от друга в природе цвета радуги. Какой-то один убери, и вот уже чуда нет, а есть лишь холодный лабораторный эксперимент, демонстрирующий нам только физическое строение света, но никак не его живую трепетную душу...

Имя поэта Ольги Бешенковской, (именно по-особому суровое и бескомпромиссное «поэт», а не «поэтесса» с извечными гендерно-трагическими сю-сю) любителям поэтического Слова известно давно. Ведь за спиной у неё остался уже не один десяток лет, до краёв наполненных подлинно свободным литературным творчеством, причём свободным в откровенно несвободной стране, нелёгкий опыт более чем 20-летнего писания, как тогда говорилось, «в стол», без малейших шансов на какую-либо встречу со своим потенциальным читателем. Но читатель был уже давно, и не только потенциальный, но и совершенно реальный, с нетерпением ждавший каждое новое произведение этого на редкость сильного и отчаянно смелого пиита с берегов так богатой на поэтические таланты Невы.

И это не удивительно, ведь очень рано Ольга Бешенковская стала одним из общепризнанных лидеров того мощного и всегда художественно плодотворного слоя ленинбургской литературы (её собственный неологизм, отражавший кафкафскую, по сути своей, реальность той поры), который одни с искренней гордостью, а другие с нескрываемым раздражением называли «второй литературной действительностью». Её стихи и поэмы, часто даже без ведома самого автора, сотнями копий разлетались по городам и весям огромной страны, и нередко даже просачивались через все возможные щели охранявшего духовное целомудрие советского человека «железного занавеса», оказываясь на многочисленных страницах всевозможного «сам- и там-издата».

Более десятка самодельных поэтических книг официально не существовавшей тогда и, казалось бы, обречённой на пожизненное литературное забвение Ольги Бешенковской, хранятся у меня дома в её теперь уже мемориальном книжном шкафу, так как самой его хозяйки вот уже почти что четыре года как нет в живых. Но все они - лишь малая часть всего того, что вышло тогда из-под её пера в казалось бы мёртвое для всего живого время «застоя». И при этом, буквально считанные публикации, каким-то чудом появившиеся в печати, и то только на излёте благословенных лет Оттепели...

И так, во все времена казалось бы бесконечно тянущихся свинцово-удушливых 70-х и 80-х, вплоть до нового «глотка свободы», который, как могла, принесли с собой столь нелюбимая теперь многими историческими склеротиками бурная пора Перестройки. О том, как и чем жилось Ольге Бешенковской тогда, рассказывает стихотворение, посвящённое одному из многолетних сидельцев ГУЛАГа, легендарному учёному-геологу и литературоведу Адриану Владимировичу Македонову, человеку удивительной судьбы и мужества, оставившему в её жизни, в числе других замечательных петербургских стариков-интеллигентов той поры, огромный незабываемый след:

А.В.МАКЕДОНОВУ

Мы нараспев дышали Мандельштамом,

Почти гордясь припухлостью желез...
 И жизнь была бездарностью и срамом,
 Когда текла без мужественных слез.
 Оберегая праздников огарки,
 Среди ослепленной люстрами страны
 В дни Ангелов мы делали подарки
 Другьям, что были дьявольски пьяны...
 Так и выросли: горечи не пряча,
 Брезгливо слыша чавканье и храп;
 И в нашу жизнь - могло ли быть иначе -
 Вошли Кассандра, Совесть и этап...

Прошло совсем немного времени, и очевидное очень быстро стало реальным: не только узкий круг любителей высокой Поэзии, но и, как говорится, «широкие читательские массы» наконец-то узнали о существовании на берегах Невы поэта Ольги Бешенковской. И даже более того, в 1987 годы вышел её первый, совсем ещё тонюсенький поэтический сборник «Переменчивый снег», который тут же стал литературным раритетом.

До сих пор помнится, как все тогда торопились успеть как можно больше глотнуть этого столь неожиданного и столь непривычного для страны воздуха Свободы, хорошо понимая, что во все времена эта Прекрасная Дама у любой власти никогда не была в чести. Уж больно многое она себе и другим позволяет, и чем дольше разрешать ей своевольничать, тем трудней потом разогнувшийся народ загнать обратно в привычное рабское стойло.

Предчувствие какой-то кратковременности для страны этого состояния, когда если не обо всём, то уже о много можно думать самим и думать прилюдно, в большом и малом делать именно свой выбор, а потом самим же за этот выбор и отвечать, не покидает ни саму Ольгу, ни всех её коллег по свободному литературному сообществу. Обо всём этом шли привычные бесконечные разговоры и споры на извечной трибуне советского человека – крохотной кухоньке, которая и тогда оставалась самым свободным пространством во многом всё ещё советских людей, советских и формально, и, чего греха таить, ментально тоже.

Хотя, если кто это уникальное время ещё не забыл, то прекрасно помнит, как не утихали горячие диспуты на многочисленных митингах и собраниях в самых неожиданных географических точках всё ещё Ленинграда той незабываемой поры. Ну и, конечно же, стихи и опять стихи, в которых опьяняющий сумбур этих времён, бесконечные надежды и первые горькие сомнения, постоянно сменяющие друг друга, тоже нашли своё художественное отражение, и теперь уже нашли навсегда:

xxx

Россия. Ночь. Атараксия.
 Тетрадь в светящемся кругу
 И голубые на снегу
 Линейки сосен теневые,
 Не эта ль сумрачная связь
 Сомнамбулических сияний
 И не дает как в ересь впасть
 В отъездов горькую всеядность?
 Все древесины и вода,

Но Боже! Как осиротело
 Молились рухнуть господа
 Не от инфаркта - от расстрела...
 И улыбающийся в блиц
 Весь мир заменит мне едва ли
 Кастальский луч в слепом подвале
 В стальном репейнике границ...

Идёт время, рождаются новые и новые поэтические строки, причём рождаются под уже привычные звуки монотонно гудящих котлов за многие годы работы в котельной, куда Ольга Бешенковская, теперь уже кочегар с многолетним трудовым и литературным стажем, попала после того, как ещё в приснопамятные «застойные» времена, по указанию «литературоведов в штатском» она оказалась навсегда лишена права работать и в советской прессе тоже. Дело в том, что по образованию Ольга Бешенковская была журналистом, окончив после школы за три года вместо пяти соответствующее заочное отделение Ленинградского университета. Причём журналистом она тоже была блестящим, исхитряясь, при всей одиозности этого занятия в системе тотального партийно-идеологического контроля, писать свои очерки и репортажи максимально честно и объективно, никому и ничему не угождая своим журналистским стилем, как никогда не делала она этого и своим пером поэтическим.

Отсюда, может быть, и вот это профессиональное умение в чисто литературном творчестве откровенную публицистичность своих произведений подымать до высокой поэзии, талант, сохранившийся на многие и многие годы и потом. Как пример, приведу стихотворение Ольги Бешенковской, написанное ею как горький и поэтический, и чисто человеческий отклик на гибель моряков подлодки «Курск»:

МАТЕРЯМ МОРЯКОВ ПОСВЯЩАЕТСЯ

Адмиралы - луженые глотки
 И озёрные дачи...
 А сынки умирают в подлодке,
 А их матери - плачут...
 Мог и мой бы сейчас оказаться
 В этой вязкой пучине ...
 К Ярославской припасть ли, Казанской -
 Помолиться о сыне...
 Помогите, и Боже, и НАТО,
 Кто угодно - спасайте!
 Адмиралы же медлят: не надо,
 Сами, дескать, с усами...
 Что мне, бабе, секреты военных,
 Мне бы сыну - озона!
 Ваши тайны и так непременно
 Все - в кармане шпиона...
 Знаю только: смертельно опасно
 Жить в стране твердолобой,
 Где гордыней краснеют лампасы,
 А не щёки - стыдобой...

Но вернёмся в те, теперь уже далёкие перестроечные годы. Жизнь течёт своим чередом. Котельные смены привычно сменяют друг друга и нет им числа. Неизменными остаются благодарные за гостеприимство, теплоту и какую ни есть нехитрую еду котельные кошки. Так уж было давно заведено, что кочегары никогда не забывали принести из дома своим хвостатым уже почти что коллегам по ночному бдению чего-нибудь съестного, кто чем богат...

Там же, в котельной, Ольга Бешенковская вместе с коллегами по работе и творчеству вот уже несколько лет выпускает самиздатовский литературный альманах «ТОПКА», что расшифровывается как «Творческое Объединени Пресловутых Котельных Авторов». Буквально массовый исход художественной интеллигенции в котельные (более всего такое интереснейшее культурологическое явление проявилось именно в городе на Неве), это особая тема для исследователей социального и художественного климата страны Советов, и тема эта ещё ждёт своих исследователей.

У Ольги есть семья, растёт сын Артём, который, как и все дети, становится источником не только естественных материнских радостей и забот, но и поэтического вдохновения для многих прекрасных и как-то по-особому щемяще-пронзительных стихотворений. Вот одно из них:

ПРОГУЛКА С СЫНОМ ВДОЛЬ ЗАБОРА ДЕТСКОГО ДОМА

От сиротского дома, где бросила пьяная мать,
 Этот горестный шарик покатится в светлые дали...
 И страна его будет, как сына, к холмам прижимать,
 И, как цапки, дарить, разбудив по тревоге, медали
 За ангины на койке казенной, за слезы в кулак...
 О, российская, бабья, простынно-похмельная жалость...
 Ведь не царский сучок, не отродье зарытых в ГУЛАГ,
 А родное, свое... Вот и сердце по-божески сжалось...
 ... Ну, конечно, отдай все конфеты, смешной воробей
 В продувном пальтеце, из которого выросли трое...
 Голубые желёзки, мое беспокойное РОЭ,
 Ты простишь ли потом, что, увы, не безродный плебей...
 Что тебе отродясь птичьей клеткой родительский дом
 И обноски, объедки, задворки за детское счастье.
 Если пьяная чернь не проверит железом запястья
 Не дурная ли кровь у того, кто начертан жидом...
 Если чёрная пьянь не сойдется на книжный пожар,
 Хохоча и крича: Докажите, что слово нетленно...
 ... Так спеша пожалеть робеспьера с разбитым коленом
 И, конечно, отдай и конфеты, и розовый шар...

Особой главой в биографии Ольги Бешенковской стала эмиграция. Вместе с семьёй в 1992 году она переезжает в Германию, в город Штутгарт, который до самой её безвременной кончины в 2006 году, становится центром не только поэтических переживаний, но и художественного познания нового мира и новых жизненных реалий. И хотя за окном давно совсем другие, южно-германские пейзажи, Россия, родной, теперь наконец-то уже – Петербург(!), традиционно непростые российские раздумья не покидают её никогда. Это находит свой отклик во всём, о чём пишет Ольга буквально с первых недель и месяцев по приезде на новое место жительства. Кстати, именно тогда многие из этих впечатлений нашли свой отклик и в её литературно-публицистических

эссе на Радио «Свобода» в очень популярной в 90-е передаче «Писатели у микрофона», и в многочисленных публицистических газетных и журнальных выступлениях. Но, естественно, наиболее ярко всё это отразилось в её стихах:

xxx

Знаю: Родина - миф. Где любовь - там и родина... Что ж
 Не вдохнуть и не выдохнуть, если ноябрь и Россия..
 Лист шершавый колюч как в ладони уткнувшийся еж,
 И любой эмигрант на закате речист как Мессия...
 Ибо обе судьбы он изведal на этой земле:
 От креста оторвавшись, он понял, что это возможно:
 И брести, и вести босиком по горячей золе
 Сброд, который пинком отпустила к Истокам таможня...
 Для того и границы, чтоб кто-то их мог пересечь
 Не за ради Христа, не вдогонку заморских красавиц;
 И не меч вознести, а блистательно острую речь!
 И славянскую вязь еврейских пророков восславить,
 Зная: Родина - мир... Где любовь - там и родина.. Но
 И любовь - там, где родина... Прочее - лишь любованье...
 Как темно в этом космосе... (Помните, как в "Котловане"...))
 А в России из кранов библейское хлещет вино...

Потом будут двенадцать номеров первого в истории Германии (а, может быть, и не только Германии) «толстого» литературного журнала «Родная речь», задуманного и в течение трёх лет выпускаемого ею совместно с художником и профессиональным редактором Владиром Марьиным. Это во-многом уникальное издание мало того, что познакомило тысячи и тысячи своих читателей с той богатой литературной культурой и традициями, что привнесла в жизнь этой части Европы новая российская диаспора, но и помогло очень многим авторам, и только лишь начинающим, и ранее даже маститым, вновь сделать свои первые литературные шаги в нелёгких условиях эмиграции.

Не секрет, что перемена места жительства, тем более, перемена такая глубокая и радикальная, это всегда серьёзное испытание для каждого. Находясь, в силу своего художественного таланта, в самом центре культурного процесса российскоязычного эмиграционного сообщества, опытным глазом и поэта, и публициста, Ольга смогла создать в своём литературном творчестве целую галерею характеров и нравов бывших советских людей, многие качества которых, как прекрасные, так и отталкивающие, в этих новых условиях увеличились как бы стократно. И со свойственным ей мастерством это в своих прозаических и поэтических произведениях отразить:

xxx

Эти взгляды в чужие кошелки, и зависть, и спесь,
 по которым советских везде узнаёшь эмигрантов...
 Весь нехитрый багаж их, похоже, покоится здесь:
 в настороженном виде и странных повадках мутантов...
 Это надо же как размело-раскидало народ:
 одичавшая армия ленинцев бродит по миру
 и дивится, что здесь всё не так уж и наоборот –
 соблазнитель пир, но чужим не положено к пиру.

Вот и мнится Россия непаханым полем вдали,
 зарастает крапивой и всяческим чертополохом.
 Господа диссиденты, мы сделали всё, что могли:
 отдыхает земля и готовится к новым эпохам...
 И придут инженеры точнее немецких часов,
 и поправят кресты элегантно-французские внуки.
 Зубы ломит колодезной. Сорван железный засов.
 А теперь – помолясь – за ремёсла, стихи и науки!..

Естественно, что подобные строки одарили Ольгу Бешенковскую как многими искренними друзьями, так и немалым количеством не менее искренних врагов, чаще всего среди тех из «собратьев» по литературному цеху, к прилагательному «талантливых» которых неизменно просится ещё всё объясняющее добавление «немного». Удивительная метаморфоза в сторону откровенной нравственной деградации, что происходит нередко с, казалось бы, ещё вчера порядочными людьми, которые волею судеб вдруг очутились в обстановке относительного материального и социального благополучия, на эту загадку Ольга пыталась найти ответ всегда. Среди немалого числа её стихотворений, этому трагическому парадоксу посвященных, есть и такое:

xxx

Интеллигенты советской поры
 в серых пальто соловьиной невзрачности...
 Чистоголосы, тихи и мудры,
 и худоба – до осенней прозрачности.
 Вздрог от звонка – не плебейский испуг,
 но – осторожность: успеем, рябята, мы,
 поднакопивши деньжонок, - на юг,
 если не в пермскую стынь 35-ю...
 Интеллигенты советской поры
 слушали ночью «Свободу» и Галича,
 спали, готовы взойти на костры, -
 Было ли это? – Да, Господи, давеча!..
 Драма окончена. Занавес снят.
 Окна распахнуты! Цепи разорваны!
 И диссиденты друг друга бранят,
 бывших врагов развлекаая разборками...
 Интеллигенты советской поры
 плаваются в славе как мягкое олово.
 Не для того ли нужны топоры,
 чтоб не кружились беспечные головы?..
 Чтобы чердак – будто царский чертог,
 чтобы весь мир – в темноте – кинолентами...
 Полнятся Запад, и Юг, и Восток
 старыми русскими...
 ...Интеллигентами?
 Зависть и злоба, возня за чины.
 Вот ведь: свободны, согреты и денежны...
 Хоть на четыре кричи стороны:

где же вы?

Где же вы?

Где же вы?

Где же вы?..

Но какой бы горькой и жёсткой не бывала подчас её Муза, умение в любых жизненных обстоятельствах всегда находить хотя бы малейшие проявления любви и добра помогало Ольге Бешенковской создавать свой особый, полный поэтического света мир. Одна за другой и в России, и в Германии выходят её поэтические книги на русском и немецком языках. Последнее особо примечательно потому, что буквально через несколько лет эмигрантской жизни она становится членом творческих и журналистского, и писательского союзов уже и Германии тоже, а не только в родном Отечестве, где её имя давно уже заняло своё подобающее место среди ведущих поэтов современной России.

Нечасто, но удаётся и путешествовать по миру, будь то, например, Нью-Йорк, куда она полетела по приглашению Колумбийского университета. Или уже как турист бродить по извилистым улочкам французских или итальянских старинных городов, любоваться красотами Испании и Чехии. Но какие бы пейзажи ни открывались Ольге, взгляд этот всегда был прежде всего взгляд Поэта, который самым чудесным и чудным образом преломлял всё увиденное и пережитое в удивительные и неповторимые поэтические образы:

xxx

чужая речь как птичий щебет
твоих ушей коснется лишь
не заползет в глухие щели
где сокровенное таишь
маршрутный лист над головами
меланхолично читай
и ежедневный путь в трамвае
един, - Париж или Китай...
везде покачивает сумрак
и содрогает поворот
носильщиц грез и тяжких сумок
что называются - народ...
кивают вяло подбородки
потоку встречной чепухи...
Где итальянские красотки?
Где елисейские духи?
Ты все придумал, Боттичелли!
Ты обманул меня, Вийон!
Мир - деревянные качели:
сабвей - убан - метро - вагон...
И я сама - не гость высокий -
сизу тихохонько в углу
дрожащей жилкою височной
припав к прохладному стеклу
и пребываю за границей

хотя считается - живу...
 А пятки - чуть смежишь ресницы -
 Летят, как яблоки, в траву...

С появлением в доме компьютера круг общения стремительно расширяется. Отыскиваются многочисленные друзья и собраты по поэтической Музе буквально по всему миру. И это понятно, ведь судьба многих из тех, с кем прошла литературная юность Ольги Бешенковской, очень часто складывалась так, что они тоже вынуждены были покинуть своё любимое, но далеко не любящее Отечество. Но вот, благодаря поэзии, питерские поэты опять собираются в свой привычный круг, правда на этот раз, в поэтических строках такой вот ольгиной «Невесёлой песенки»:

НЕВЕСЁЛАЯ ПЕСЕНКА

„Друзья мои, прекрасен наш союз...“
 А. ПУШКИН
 „Друзей моих стремительный уход...“
 Б. АХМАДУЛИНА

Друзья мои, мы как теперь живём?
 Нас утешают разные пейзажи.
 Лелеем память, морщимся продажи,
 Как наркоманы - колемся: жнивьём...

Ты говоришь, в Израиле - жара,
 Он говорит, в Нью-Йорке - суматоха.
 А разве, братцы, это так уж плохо:
 Друг другу сострадать из-за бугра...

Не для того ли всех нас размело,
 Чтоб убедиться в круглости планеты,
 И что другой страны на свете нету,
 Где не рассердит за полночь „Алло“...

Друзья мои, распался наш Союз;
 Он был не наш - он был страны Советов.
 Но радость победительная эта
 Срывается в отчаянную грусть...

И я живу - как сплю навеселе,
 И по-немецки называю завтра...
 И расправляю карту на столе -
 Как будто нежно глажу динозавра...

Теперь невидимые нити Интернета вновь связывали пускай уже и остепенившееся и заметно поседевшее, но всё ещё такое же свободолюбивое и неподкупное литературное петербургское братство. И вот как результат, к 300-летию Петербурга, стараниями всё той же Ольги Бешенковской, в немецком издательстве

«Эдита Гельзен» появляется поэтических сборник «ГОРОД-ТЕКСТ», в котором ею были собраны стихи авторов буквально со всего мира, полные самой искренней любви к этому прекраснейшему из городов. Другим литературным преподношением к юбилею Северной Пальмиры стала её собственная, прекрасно изданная издательством «Журнал «Нева» книга «ПЕТЕРБУРГСКИЙ АЛЬБОМ», одна из более чем десятка, увидевших свет при жизни Ольги.

В том же, 2003 году, Ольга Бешенковская выпускает совместно с недавно трагически погибшим известным киевским поэтом Юрием Капланом и мюнхенским филиалом всемирного Толстовского фонда другую, тоже во-многом уникальную поэтическую книгу «КИЕВСКАЯ РУСЬ», которая знакомит читателей со многими талантливыми стихотворцами, но уже с берегов Днепра, пишущими по-русски.

Такое трепетное отношение к талантам других, знакомых, а чаще всего, и совсем незнакомых коллег по литературному содружеству, отношение, чего греха таить, так редко встречающееся среди людей любых творческих профессий, всегда было ещё одним ярким проявлением незаурядности Ольги Бешенковской и как литератора, и как человека. И, может быть, самым впечатляющим проявлением этого творческого и человеческого подвижничества стал выход в 2006 году литературного сборника «ЛЮДИ МУЖЕСТВА», который Ольга задумала и подготовила к печати, уже сама будучи смертельно больной и зная о своей скорой неминуемой кончине. В этой, по характеру своему во-многом печальной и одновременно оптимистичной книге, под одной обложкой были собраны поэтические и прозаические произведения наших соотечественников-инвалидов.

Есть в немалом поэтическом наследии Ольги Бешенковской особо дорогое мне четверостишие, которые, по-моему, как нельзя лучше раскрывает, что было для неё Поэзия, и кем в отечественной литературе стала она сама. Называется это коротенькое по форме и внешне даже шутовское стихотворение: «ОТВЕТ ОДНОЙ УВАЖАЕМОЙ ПРЕСС-СЛУЖБЕ НА ЗАМАНЧИВОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ», а далее:

Не лучи люблю я, а излучины
с их подводным, чуть дрожащим светом.
Не была я винтиком закрученным. -
Мне ли быть раскрученным поэтом?..

Вот этот «дрожащий свет» прекрасного стиха Ольги Бешенковской светил мне все годы нашей совместной жизни. Так же нежно светит он и сейчас. И так будет всегда, пока глаза мои смогут всё то прекрасное, что вышло из-под её пера, читать, а память – благодарно вспоминать каждое мгновение жизни с этой прекрасной женщиной и матерью моего сына...

Алексей Кузнецов

17 июля 2010 года Ольге Бешенковской исполнилось бы 63 года.